

ПРОКУРОР КАК СУБЪЕКТ ПРЕДАНИЯ ОБВИНЯЕМЫХ СУДУ ПОСЛЕ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1864 ГОДА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В. П. Горбачев

*Донбасский государственный университет юстиции,
Донецкая областная коллегия адвокатов*

THE PROSECUTOR AS A SUBJECT OF BRINGING THE ACCUSED TO TRIAL AFTER THE JUDICIAL REFORM OF 1864 IN THE RUSSIAN EMPIRE

V. P. Gorbachev

*Donbass State University of Justice,
Donetsk Regional Bar Association*

Аннотация: исследуются вопросы не только нормативной, но и фактической роли прокурора как субъекта предания обвиняемых суду после судебной реформы 1864 г. в Российской империи. Рассмотрена процессуальная деятельность прокуроров после поступления к ним от судебных следователей оконченных уголовных дел. Проанализированы сроки рассмотрения прокуратурой поступивших дел, практика их возвращения для дополнительного расследования и порядок прекращения уголовных дел. На стадии предания обвиняемых суду прокуроры реализовывали свои полномочия в целом эффективно. Имевшиеся по уголовным делам доказательства они оценивали в основном критически. С заключениями прокуроров о прекращении дел суды не соглашались относительно редко. Прокуратура предавала обвиняемых суду примерно по третьей части всех дел, направленных в суд с обвинительными актами, а по остальным делам обвиняемые предавались суду судебной палатой. Общий обвинительный уклон у прокуроров отсутствовал. Однако в некоторых случаях они предавали обвиняемых суду необоснованно, что влекло оправдание подсудимых, а иногда возвращение судами дел прокурорам.

Ключевые слова: судебная реформа, прокурор, следователь, суд, уголовное дело, предание суду, обвинительный акт, прекращение уголовного дела.

Abstract: the issues of not only the normative, but also the actual role of the prosecutor as a subject of bringing the accused to trial after the judicial reform of 1864 in the Russian Empire are investigated. The procedural activity of prosecutors after they receive completed criminal cases from judicial investigators is considered. The terms of consideration by the Prosecutor's Office of the received cases, the practice of their return for additional investigation and the procedure for termination of criminal cases are analyzed. At the stage of bringing the accused to trial, the prosecutors exercised their powers in general effectively. They assessed the evidence available in criminal cases mainly critically. With the conclusions of the prosecutors on the termination of cases, the courts did not agree relatively rarely. The Prosecutor's Office brought the accused to trial in about a third of all cases sent to the court with indictments, and in the rest of the cases the accused were brought to trial by the judicial chamber. There was no general accusatory bias among the prosecutors. However, sometimes the prosecutors brought the accused to trial unreasonably, which entailed the acquittal of the defendants or the return of the cases by the court to the prosecutors.

Key words: judicial reform, prosecutor, investigator, court, criminal case, bringing to trial, indictment, termination of criminal case.

Деятельность прокуратуры как одного из правоохранительных органов находится в центре внимания многих исследователей. Это во многом обусловлено тем, что в постсоветский период правовой статус прокуратуры неоднократно менялся как в сторону ограничения ее полномочий, так и в сторону их расширения. Такие изменения актуализируют изучение исторического опыта деятельности прокуратуры, который полезно учитывать при решении современных проблем.

Важным этапом развития прокуратуры в Российской империи была судебная реформа 1864 г., в результате которой принципиально изменились функции прокуратуры и главным направлением деятельности стало участие в уголовном судопроизводстве. Среди стадий уголовного процесса обязательной являлась стадия предания суду, которая занимала промежуточное положение между предварительным следствием и судебным рассмотрением дела по существу. Эта стадия была предметом изучения некоторых современных исследователей. Однако они анализировали в основном ее нормативный аспект, а практическая деятельность прокуратуры в этом направлении остается недостаточно изученной. В связи с этим целью данной статьи является выяснение не только нормативной, но и фактической роли прокурора как субъекта предания обвиняемых суду после судебной реформы 1864 г.

Стадия предания обвиняемого суду начиналась после направления судебным следователем окончательного уголовного дела прокурору, который проверял, подлежит ли оно его ведению и полно ли проведено расследование, а также решал вопрос о дальнейшем направлении дела.

Прокурор должен был рассмотреть поступившее к нему уголовное дело и дать ему указанный в законе ход в течение 7 дней со времени его получения. А чрезвычайные законы для рассмотрения дел военными прокурорами предусматривали суточный срок¹.

Несмотря на законодательное закрепление указанных сроков, ведомственные нормативные акты допускали возможность их несоблюдения. Например, прокурор Санкт-Петербургского окружного суда А. Ф. Кони в своем циркуляре товарищам прокурора от 5 апреля 1872 г. разъ-

яснил, что установленный законом 7-дневный срок рассмотрения дел безусловно должен соблюдаться по делам, по которым были арестованы обвиняемые, а другие дела могли рассматриваться товарищами прокурора до двух недель с возможностью продления этого срока по особо сложным делам до трех недель². Такой же подход был закреплен и в циркулярах министра юстиции, который не допускал нарушение установленного 7-дневного срока по арестантским делам, а по другим делам такое нарушение он допускал только в случаях: 1) если дела у товарища прокурора накопились во время временного заведования им более чем одним участком; 2) если он находился в особо продолжительной командировке и 3) если для изучения особо сложного и большого по объему дела требовалось продолжительное время³.

Статистика свидетельствует о том, что на первоначальном этапе судебной реформы установленный срок рассмотрения дел в большинстве случаев нарушался как гражданской, так и военной прокуратурой. Это объяснялось большой нагрузкой и связанной с ней физической невозможностью обеспечить соблюдение этого срока по всем делам. Однако постепенно оперативность рассмотрения прокуратурой дел повысилась. Если в 1874 г. в течение установленного 7-дневного срока прокуратурами окружных судов рассмотрено только 38,5 % дел, то в 1894 г. – 59,2 %. В дальнейшем этот показатель постепенно снижался и в 1905 г. составил 44,2 %⁴. В военном ведомстве оперативность изучения дел была значительно выше; например, в 1912 г. в установленный законом 7-дневный срок прокуратура дала заключения по 95,8 % дел⁵.

О каждом случае нарушения установленного срока товарищи прокурора должны были сообщать прокурору суда, который, рассмотрев

² См.: Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 564. Оп. 1. Д. 453. Л. 3–3 об.

³ См.: Наказ министра юстиции, генерал-прокурора, чинам прокурорского надзора судебных палат и окружных судов. СПб., 1896. § 31. С. 42–43.

⁴ См.: Итоги русской уголовной статистики за 20 лет (1874–1894 гг.) / сост. в Стат. отделении Мин-ва юстиции при ближайшем участии Е. Н. Тарновского. СПб., 1899. С. 23–24; Свод статистических сведений по делам уголовным, производившимся в 1905 году: в 3 ч. СПб., 1908. Общий обзор. С. 9.

⁵ См.: Отчет Главного военно-судного управления за 1912 год // Всеподданнейший отчет военного министерства за 1912 год. Петроград, 1916. С. 6.

¹ См.: Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 54. Отд. 1. СПб., 1881. № 59491. С. 304; Собр. 3. Т. 27, № 29313. СПб., 1910. С. 378.

степень уважительности причин нарушения, должен был свое заключение направить прокурору палаты⁶. Архивные материалы свидетельствуют о том, что товарищи прокурора окружных судов среди причин нарушения установленного срока указывали одновременное поступление к ним большого количества дел, первоочередное рассмотрение арестантских дел и дел, подсудных судебной палате, подготовку и участие в заседаниях суда и съезда мировых судей, служебные командировки, присутствие при допросах по делам о государственных преступлениях, заведование двумя участками и т. п. При таких обстоятельствах прокуроры причины несоблюдения срока признавали уважительными. Например, в 1910 г. в Новочеркасском судебном округе прокуроры окружных судов во всех случаях эти причины признали уважительными⁷.

При поступлении уголовного дела от следователя прокуратура должна была проверить, полно ли проведено следствие. В случае его очевидной неполноты прокурор или его товарищ имели право направить дело для дополнительного следствия. На практике прокуратура возвращала примерно десятую часть уголовных дел. А в некоторых судебных округах удельный вес возвращенных для исследования дел доходил до 21 %⁸.

Закон запрещал прокурорам и их товарищам под опасением ответственности возвращать дела для дополнения следствия несущественными сведениями. Министр юстиции также запрещал возвращать дела для исследования без достаточных к тому оснований, в частности, для сбора ненужных справок, изменения меры пресечения и т. п. Вместо возвращения дел для исследования он требовал необходимые указания следователям давать при производстве следствия⁹. В связи с этим следователи высказывали предложения о том, чтобы товарищи прокурора направляли дела для исследования только с разрешения прокурора, которому они должны объяснить, почему предлагаемые для исследо-

вания действия не были предложены во время самого следствия¹⁰.

Несмотря на указанные нормативные требования, в 1880-е гг. современники отмечали, что нередко дела возвращались без всякой пользы для дела¹¹, для дополнения их «пустыми справками»¹², при этом прокуратура нередко отстаивала формальности¹³. Часто товарищи прокурора под различными предлогами возвращали дела для исследования только потому, что не успевали направить их в суд в установленный законом 7-дневный срок и делали это, чтобы не нарушать этот срок¹⁴.

Однако ревизии 1895 г. отмечали, что возвращение прокуратурой дел к исследованию осуществлялось в случаях безусловной в том необходимости, но иногда эта необходимость оспаривалась следователями. В большинстве случаев дела возвращались для исследования в связи с недостаточностью собранного фактического материала, а по юридическим основаниям (в связи с неправильной квалификацией действий обвиняемого и т. п.) они возвращались сравнительно редко¹⁵. Среди причин возвращения дел для исследования были также различные процессуальные нарушения (если обвиняемые не были ознакомлены со всеми материалами дела или их ознакомление оформлено процессуально неправильно, если вещественные доказательства не приобщены к делу и т. п.)¹⁶.

В военном ведомстве качество следствия было несколько выше. За 1868–1912 гг. военными прокурорами для дополнительного расследования возвращено 11 311 дел, что составило 4,2 % всех рассмотренных военной прокуратурой дел¹⁷. А в отдельные годы для исследования

¹⁰ См.: Материалы для пересмотра законоположений о порядке производства предварительных следствий. Ч. 2. СПб., 1882. С. 399.

¹¹ См.: Там же. С. 156.

¹² См.: А. Т. Теневая сторона прокурорской деятельности // Судебная газета. 1883. № 27. С. 10.

¹³ См.: Военный суд, его защитники и разрушители. СПб., 1883. С. 154.

¹⁴ См.: Жданов В. О пререканиях следователей с прокурорами (еще по поводу 309 ст. уст. угол. суд.) // Журнал гражданского и уголовного права. 1885. Кн. 6. С. 34.

¹⁵ См.: Высочайше учрежденная комиссия... Труды. Т. 3. Раздел 1. С. 32 ; Раздел 2. С. 370, 373.

¹⁶ См.: ГАРО. Ф. 835. Оп. 1. Д. 334. Л. 10 об. ; Д. 514. Л. 10 ; Д. 515. Л. 1.

¹⁷ Сведения за 1867–1887 гг.: *Иллюстров И.* Военные суды в русской армии за 25-летие. 1861–1885 г. : обзор статистических сведений по Всеподданнейшим отчетам

⁶ См.: Наказ министра юстиции...

⁷ См.: Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 835. Оп. 1. Д. 337. Л. 2, 6, 45, 49, 51, 53, 70, 74, 76, 83, 86, 92, 95, 98, 101, 104.

⁸ См.: Высочайше учрежденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части. Труды. Т. 3. СПб., 1897. Раздел 2. С. 370.

⁹ См.: Наказ министра юстиции... § 29. С. 41.

возвращалось до 6,8 % дел¹⁸. Примерно таким же было положение и в морском ведомстве, где прокуроры, например, в 1910–1912 гг. для доследования возвратили 3,4 % дел¹⁹.

Возвращение товарищами прокурора дел для дополнительного следствия прокуроры рассматривали как свидетельство отсутствия с их стороны надлежащего надзора непосредственно во время расследования дел. В связи с этим они требовали от товарищей прокурора осуществлять «действительное наблюдение» за производством следствий и своевременно давать по делам необходимые указания о производстве следственных действий²⁰. В результате принимавшихся мер с середины 1890-х гг. процент дел, возвращаемых для доследования, стал постепенно сокращаться и к 1912 г. снизился до 2,6 %²¹. Это свидетельствовало о повышении уровня прокурорского надзора непосредственно при проведении следствия.

Если после изучения поступившего от следователя дела прокурор или его товарищ считали, что следствие проведено полно и не подлежит возвращению для доследования, то они составляли свое заключение о дальнейшем направлении дела, т. е. о предании обвиняемого суду, прекращении или приостановлении следствия, об изменении подсудности дела (ст. 518, 519 Устава уголовного судопроизводства (далее – УУС)). Заключение и дело направлялись в суд. А дела о должностных преступлениях и о преступлениях военнослужащих прокурор вместе со своими заключениями направлял начальству обвиняемых для решения ими вопроса о предании обвиняемых суду.

Прокуратура не имела своей властью прекращать уголовные дела, такое право было

военного министерства. М., 1890. С. 78–79 ; за 1888–1912 гг. обобщены сведения «Ведомостей о движении дел по военно-прокурорскому надзору» за указанные годы, которые в качестве приложений к отчетам Главного военно-судного управления включены в ежегодные Всеподданнейшие отчеты военного министерства.

¹⁸ См.: Отчет Главного военно-судного управления за 1878 год. Приложение № 4 // Всеподданнейший отчет военного министерства за 1878 год. СПб., 1880. С. 8.

¹⁹ См.: Всеподданнейший отчет по морскому министерству за 1910 год. СПб., 1911. С. 191 ; Всеподданнейший отчет по морскому министерству за 1911 год. СПб., 1912. С. 183 ; Всеподданнейший отчет по морскому министерству за 1912 год. СПб., 1913. С. 183.

²⁰ ГАРО. Ф. 835. Оп. 1. Д. 234. Л. 1.

²¹ См.: Сборник статистических сведений Министерства юстиции. Вып. 28. СПб., 1913. С. 195, 218.

предоставлено только суду. В случаях, когда следователь не находил оснований продолжить следствие (в связи с отсутствием состава преступления, недостаточностью доказательств и т. п.), он через прокурора направлял дело в суд для его прекращения (ст. 277 УУС). Однако прокуроры не всегда соглашались с мнением следователей и возвращали такие дела для дополнительного следствия. Например, в 1894 г. они возвратили 4601 такое дело, из которых по каждому пятому делу (902) предложили привлечь лиц в качестве обвиняемых²².

В связи с тем, что мнение прокуратуры о необходимости прекращения дела было поставлено под контроль судебной власти, в юридической литературе высказывались предложения о предоставлении прокуратуре права самостоятельно прекращать все следствия или хотя бы только дела о преступлениях, которые не влекли лишение и ограничение прав, а также следствия, направляемые следователями для прекращения по ст. 277 УУС²³. При подготовке изменений в Устав уголовного судопроизводства высказывались предложения о том, что суд должен прекращать только те дела, по которым были обвиняемые, а все остальные дела могла прекращать прокуратура²⁴.

При изучении уголовных дел прокуратура в основном критически оценивала имевшиеся в них доказательства²⁵. По утверждению в 1886 г. прокурора Орловского окружного суда С. С. Хрулева, обвинительный уклон при направлении дел в суд проявляли только вновь назначенные молодые товарищи прокурора, которые

²² См.: Высочайше учрежденная комиссия... Труды. Т. 6. С. 229.

²³ См.: Высочайше учрежденная комиссия... Объяснительная записка к проекту новой редакции Устава уголовного судопроизводства. Т. 3. СПб. 1900. С. 21–22 ; *Щегловитов И.* О прекращении уголовного преследования // Журнал гражданского и уголовного права. 1887. Кн. 10. С. 62, 67.

²⁴ См.: Высочайше учрежденная комиссия... Объяснительная записка к проекту новой редакции Устава уголовного судопроизводства. Т. 3. С. 23–24.

²⁵ Дискуссионным представляется общее утверждение некоторых исследователей о том, что на стадии предания суду проявлялись односторонность и отсутствие критической оценки материалов предварительного следствия (см.: *Кудрявцева А. В., Петров А. В.* Становление и развитие института подготовки дела к судебному заседанию в России : историко-правовой аспект // Правовое государство : теория и практика. 2014. № 1. С. 27).

никогда не были в суде в качестве обвинителя; однако судебное следствие способно было «охладить» их и заставить относиться к делу серьезно и обдуманно²⁶.

Об объективности оценки имевшихся доказательств свидетельствует то, что абсолютное большинство дел прокуратура направляла в суд для их прекращения. В 1879–1883 гг. из общего количества дел, рассмотренных прокурорами окружных судов, обвинительные акты составлены по 30,3 % дел, а заключения о прекращении дел – по 62,1 % дел, в 1884–1888 гг. соответственно 32,2 и 57,7 %, в 1889–1893 гг. – 29,0 и 58,7 %²⁷, в 1906–1912 гг. – 30,8 и 58,9 %²⁸.

Прокуроры составляли заключения о прекращении многих из тех дел, по которым следователи считали вину обвиняемых доказанной и не ставили вопрос об их прекращении. Например, в 1879–1883 гг. следователи инициировали прекращение 47,4 % дел, направленных ими в прокуратуру, а прокуроры заключения о прекращении составили по 61,4 % дел, т. е. на 14 % больше. В 1884–1888 гг. эта разница составила 7,9 %, в 1889–1893 гг. – 4,9 %²⁹. При этом по многим делам прокуроры составляли заключения об их прекращении именно в связи с недостаточностью доказательств вины обвиняемых. В результате среди всех дел, прекращенных окружными судами, в связи с недостаточностью доказательств прекращено в 1874–1877 гг. 6,2 % дел³⁰, в 1902–1905 гг. – 16 %, а в 1909–1912 гг. – 25 %³¹, в 1914 г. – 22,3 %³². Возрастание удельного веса таких дел свиде-

тельствует об отсутствии общего обвинительного уклона прокуратуры. Прокуроры ставили вопрос о прекращении дел в основном по реабилитирующим основаниям. Так, из всех дел, направленных в 1914 г. в суд для прекращения по инициативе прокуроров (ст. 523 УУС), в связи с отсутствием состава преступления суд прекратил 34,2 % дел и в связи с недостаточностью доказательств – 55,3 % дел³³.

Если окружной суд не был согласен с заключением прокурора о прекращении дела, то этот вопрос передавался на разрешение судебной палаты (ст. 528 УУС). На практике разногласия суда и прокуратуры по этому вопросу возникали относительно редко. При этом судебные палаты соглашались в основном с мнением окружных судов. Например, в 1868 г. окружные суды не согласились с заключениями прокуроров о прекращении дел в отношении 81 из 4448 обвиняемых (1,8 %); из них судебные палаты с заключениями прокуроров согласились только в отношении 15 лиц (18,5 %) ³⁴. В 1894 г. по вопросам прекращения дел было 220 случаев разногласий прокуратуры и суда, из них с мнением прокуратуры судебные палаты согласились только по 53 делам (24,1 %) ³⁵.

Прокуроры судебных палат контролировали правильность заключений прокуроров окружных судов о прекращении некоторых категорий дел. Например, в округе Харьковской судебной палаты такие заключения по делам о преступлениях, которые влекли лишение прав, после их утверждения судом периодически представлялись прокурору судебной палаты с целью их проверки и внесения в судебную палату предложений об отмене неправильных определений суда ³⁶.

При обсуждении вопросов судебной реформы в Государственном совете в 1862 г. отмечалось, что прокурор до суда должен объяснить подозреваемому, в каких действиях и на основании каких доказательств он обвиняется. Это должно было облегчать подсудимому подготовку к своей защите ³⁷. Задачу предварительного ознакомления с обвинением выполнял обвинительный

²⁶ См.: Хрулев С. Суд присяжных : очерк деятельности судов и судебных порядков. СПб., 1886. С. 64.

²⁷ См.: Итоги русской уголовной статистики за 20 лет (1874–1894 гг.). С. 20.

²⁸ См.: Гредингер Ф. И. Прокурорский надзор за пятьдесят лет, истекших со времени его преобразования по Судебным уставам императора Александра II. Петроград, 1915. С. 53.

²⁹ См.: Итоги русской уголовной статистики за 20 лет (1874–1894 гг.). С. 21.

³⁰ См.: Свод статистических сведений по делам уголовным, производившимся в 1874 году : в 3 ч. СПб., 1875. С. 20–21 ; Свод статистических сведений по делам уголовным, производившимся в 1875 году : в 3 ч. СПб., 1876. С. 22–23 ; Свод статистических сведений по делам уголовным, производившимся в 1877 году : в 3 ч. СПб., 1879. С. 22–23.

³¹ См.: Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет : в 3 т. Т. 2. Петроград, 1914. С. 356.

³² См.: Сборник статистических сведений Министерства юстиции. Вып. 30. Петроград, 1916. С. 138–139.

³³ См.: Там же.

³⁴ См.: Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1405. Оп. 521. Д. 93. Л. 70–70 об.

³⁵ См.: Высочайше учрежденная комиссия... Труды. Т. 6. С. 212.

³⁶ См.: Там же. Т. 3. С. 425.

³⁷ См.: РГИА. Ф. 1 Б. Оп. 1. Д. 82406. С. 174.

акт, который вручался подсудимому до судебного заседания.

Обвинительный акт прокурор составлял, если в результате изучения дела он признавал вину обвиняемого доказанной. Обвинительный акт был формой заключения прокурора о предании обвиняемого суду (ст. 519 УУС), а само предание суду осуществлялось или прокуратурой путем внесения обвинительного акта непосредственно в окружной суд для рассмотрения дела по существу, или судебной палатой в качестве обвинительной камеры, которая проверяла обвинительный акт, составленный прокурором.

На практике прокуроры предавали обвиняемых суду реже, чем судебные палаты; однако постепенно их роль в этом вопросе увеличивалась. Так, в 1875 г. из всех дел, по которым прокуроры составили обвинительные акты, непосредственно в окружные суды они направили только 25 % дел, в 1885 г. – 33,7 %, 1895 г. – 34,3 %, 1905 г. – 38,1 %³⁸. Юридическое значение предания суду заключалось в том, что оно изменяло правовое положение обвиняемого, который становился подсудимым.

По делам о преступлениях, которые не влекли лишения или ограничение прав состояния, закон не предусматривал особую судебную процедуру предания суду. По таким делам вся обвинительная власть сосредоточивалась у прокурора, который самостоятельно, без судебного контроля предавал обвиняемых суду путем направления обвинительного акта в окружной суд для рассмотрения дела по существу. А суд, не оценивая достаточность данных для привлечения обвиняемого к судебной ответственности³⁹ и не принимая решения о его предании суду⁴⁰,

³⁸ Сведения «Сводов статистических сведений по делам уголовным» (ведомости III «Производство дел в прокурорском надзоре») за соответствующие годы (см.: Свод статистических сведений по делам уголовным, производившимся в [1875–1905] году : в 3 ч. Ч. 1. СПб., [1876–1908]).

³⁹ См.: Всеподданнейший отчет министра юстиции за 1914 год. Петроград, 1915. С. 14.

⁴⁰ Неточным представляется утверждение о том, что по делам данной категории окружной суд при получении обвинительного акта от прокурора решал вопрос о предании суду (см.: Гурова О. Ю. Историческое развитие стадии подготовки к судебному заседанию и ее современное состояние // История государства и права. 2004. № 4. С. 29 ; Варпаховская Е. М., Деревскова В. М. Полномочия прокурора при подготовке к судебному разбирательству в законодательстве судебных реформ XIX и XX веков в России // Пролог : журнал о праве. 2021.

приступал к подготовке судебного рассмотрения дела (ст. 527 УУС).

Некоторые исследователи отмечают, что по делам, поступившим от прокурора, окружной суд мог обсуждать и решать вопрос о наличии в действиях обвиняемого признаков преступления и прекращать дела⁴¹. Теоретически это было возможно⁴². Однако на практике в связи с отсутствием признаков преступления суды прекращали только дела частного обвинения. А если дела, по которым в деянии обвиняемых не было признаков преступления, поступали от прокурора, то суды обычно рассматривали их по существу в судебных заседаниях и оправдывали подсудимых. Однако некоторые суды такие дела возвращали прокурорам, которые могли опротестовать их определения⁴³. По делам, поступившим из прокуратуры, судебный контроль за ее решениями был предусмотрен проектом новой редакции УУС 1900 г. (ст. 481), который прямо обязывал суд проверять наличие в деянии признаков преступления и при несогласии с мнением прокурора представлять дела на разрешение судебной палаты⁴⁴.

Обвинительный акт устанавливал пределы обвинения подсудимого. Поэтому в суде прокурор не имел права обвинять его в более тяжком преступлении, чем это было указано в обвинительном акте. В соответствии с законом в обвинительном акте указывались обстоятельства преступного деяния, сведения об обвиняемом, сущность собранных против него доказательств и улики, а также квалификация преступления (ст. 520 УУС). Более детально содержание

№ 2 (30). С. 43 ; Кудрявцева А. В., Петров А. В. Указ. соч. С. 26 ; Рябина Т. К. История развития института предания суду в пореформенной России XIX века // Известия Юго-Западного государственного университета. 2012. № 6 (45). С. 253). Статья 527 УУС прямо установила, что окружной суд не постановляет определения о предании обвиняемых суду.

⁴¹ См.: Рябина Т. К. Указ. соч. С. 254.

⁴² См.: Полный свод решений Общего собрания первого и кассационных департаментов и кассационных департаментов Правительствующего Сената. За 1878–1885 гг. / сост. Л. М. Ротенберг. Екатеринослав, 1909. С. 277.

⁴³ См.: Высочайше учрежденная комиссия... Труды. Т. 3. Раздел 2. С. 416–417 ; Объяснительная записка к проекту новой редакции Устава уголовного судопроизводства. Т. 3. С. 28–29.

⁴⁴ См.: Проект новой редакции Устава уголовного судопроизводства, составленный Высочайше учрежденною Комиссиею для пересмотра законоположений по судебной части. СПб., 1900. С. 120.

обвинительных актов разъяснялось инструкциями прокуроров судебных палат и окружных судов. Так, А. Ф. Кони отмечал, что наиболее целесообразной являлась краткость, сжатость и объективность изложения обвинительных актов⁴⁵, в них должны включаться, в частности, объяснения обвиняемого; он же разъяснял, в каких случаях в обвинительных актах должны отражаться сведения о судимости обвиняемого, его образе жизни, поведении и т. п.⁴⁶ А Наказ министра юстиции 1896 г. требовал, чтобы обвинительные акты соответствовали «условиям правильного и ясного умозаключения»⁴⁷. Однако на практике эти акты нередко были недостаточно мотивированными⁴⁸, имелись примеры включения в них недостоверных и непроверенных фактов. Один из военных прокуроров считал, что в обвинительном акте нет надобности выяснять истину и что для этого акта «достаточно одной внешности, буквы, а там суд рассудит»⁴⁹. В связи с этим министр юстиции, военный министр и прокуроры судебных палат неоднократно направляли подчиненным соответствующие циркуляры с требованиями устранить имевшиеся недостатки при составлении обвинительных актов⁵⁰.

На этапе предания обвиняемого суду прокуратура могла влиять на меры пресечения. Если прокурор признавал необходимым изменить или отменить уже принятую меру, то об этом он излагал свое мнение при направлении дела в суд (ст. 524 УУС). Например, в 1895 г. прокуроры составили 555 таких заключений⁵¹. В военном ведомстве этот вопрос регулировался аналогично, однако речь шла не об отмене мер пресечения, а только об их изменении (ст. 632 ВСУ, ст. 623 ВМСУ). С учетом этого дискуссионным является утверждение некоторых исследователей о том,

что прокурор мог самостоятельно отменить или смягчить меру пресечения при составлении обвинительного акта⁵². Теория и практика по этому вопросу были неоднозначными.

В 1868 г. А. Ф. Кистяковский утверждал, что если после окончания следствия прокурор, изучив дело, считал возможным смягчить содержание под стражей на другую меру пресечения или же считал необходимым прекратить дело, то он имел право сделать распоряжение об освобождении подсудимого из-под стражи⁵³. Такая практика была в некоторых судебных округах. Прокурор Харьковской судебной палаты в циркуляре от 30 апреля 1868 г. разъяснил прокурорам окружных судов законность освобождения арестованных лиц, не дожидаясь рассмотрения судебной палатой прокурорских заключений об освобождении из-под стражи⁵⁴, а в округе Каменец-Подольского окружного суда в середине 1890-х гг. товарищ прокурора, направляя в суд дело с заключением о прекращении следствия, предлагал следователю принять более мягкую меру пресечения⁵⁵. Однако, исходя из буквального смысла закона, судебные деятели утверждали, что после составления обвинительного акта или заключения о прекращении дела прокурор не мог дать указание об освобождении арестованного лица, а мог только изложить свое мнение о смягчении меры пресечения в особом заключении и представить его на рассмотрение суда⁵⁶.

На основании изложенного можно сделать ряд выводов. Ведомственные нормативные акты допускали возможность несоблюдения установленных законом сроков рассмотрения проку-

⁴⁵ См.: ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 453. Л. 20 об.

⁴⁶ См.: ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 453. Л. 20.

⁴⁷ См.: Наказ министра юстиции... § 35. С. 47–48.

⁴⁸ См.: Фукс В. Я. Суд и полиция : в 2 ч. Ч. 2. М. : Университетская тип., 1889. С. 40.

⁴⁹ *Соболевский В. А.* Правосудие и правовой порядок в войсках. СПб., 1882. С. 305, 311.

⁵⁰ См.: Центральный государственный исторический архив Украины. Ф. 385. Оп. 1. Д. 1733. Л. 278 ; Государственный архив Днепропетровской области. Ф. 11. Оп. 1. Д. 452. Л. 13, 22–22 об. ; Ф. 177. Оп. 1. Д. 2. Л. 15 ; Государственный архив Одесской области. Ф. 634. Оп. 1. Д. 436. Л. 19 ; Сборник циркуляров и инструкций министерства юстиции (с 1877 по 1914 г.). Петроград, 1914. С. 163–173.

⁵¹ См.: Сборник статистических сведений министерства юстиции. Вып. 11. СПб., 1896. С. 114.

⁵² См.: *Гайнов И. Д.* История становления и развития мер уголовно-процессуального принуждения в России (XIII–XIX века) // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2012. № 4 (10). С. 111 ; *Ткачева Н. В.* Меры пресечения, не связанные с заключением под стражу, в уголовном процессе России : монография / науч. ред. А. В. Кудрявцева. Челябинск, 2004. 192 с. URL: http://www.pravo.vuzlib.su/book_z1479_page_5.html (дата обращения: 25.09.2015).

⁵³ См.: *Кистяковский А.* О пресечении обвиняемому способов уклоняться от следствия и суда. СПб., 1868. С. 186.

⁵⁴ См.: Циркуляры г. прокурора харьковской судебной палаты гг. прокурорам окружных судов // Судебный вестник. 1868. № 102. С. 4.

⁵⁵ См.: Высочайше учрежденная комиссия... Труды. Т. 3. Раздел 2. С. 374.

⁵⁶ См.: *Тихомиров Д. П.* Применение 283 ст. уст. угол. судопр. на практике и по закону // Судебный вестник. 1872. № 140. С. 1.

ратурой представленных следователями оконченных уголовных дел. В результате примерно половину всех дел прокуратура рассматривала с нарушением установленного законом срока.

На стадии предания обвиняемых суду прокуроры реализовывали свои полномочия в целом эффективно. Для дополнительного следствия прокуратура возвращала следователям примерно десятую часть уголовных дел, что свидетельствовало о недостатках прокурорского надзора за ходом расследования непосредственно при его проведении. Однако с конца XIX в. уровень прокурорского надзора за предварительным следствием стал постепенно повышаться, в результате чего процент возвращаемых для доследования дел сократился.

Имевшиеся по уголовным делам доказательства прокуроры оценивали в основном критически. С заключениями прокуроров о прекращении дел суды не соглашались относительно редко, а при возникновении таких разногласий судебные палаты поддерживали в основном мнение окружных судов. Прокуратура предавала обвиняемых суду примерно по третьей части всех дел, направленных в суд с обвинительными актами, а по остальным делам обвиняемые предавались суду судебными палатами. Общий обвинительный уклон у прокуроров отсутствовал. Однако в некоторых случаях они предавали обвиняемых суду необоснованно, что влекло оправдание подсудимых, а иногда возвращение судами дел прокурорам.

Библиографический список

А. Т. Тенева сторона прокурорской деятельности // Судебная газета. 1883. № 27. С. 10–11.

Варпаховская Е. М., Деревскова В. М. Полномочия прокурора при подготовке к судебному разбирательству в законодательстве судебных реформ XIX и XX веков в России // Пролог : журнал о праве. 2021. № 2 (30). С. 40–49.

Военный суд, его защитники и разрушители. СПб. : тип. М. И. Румша, 1883. 197 с.

Гайнов И. Д. История становления и развития мер уголовно-процессуального принуждения в России (XIII–XIX века) // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2012. № 4 (10). С. 107–112.

Гредингер Ф. И. Прокурорский надзор за пятьдесят лет, истекших со времени его преобразования по Судебным уставам императора Александра II. Петроград : Сенатская тип., 1915. 55 с.

Гурова О. Ю. Историческое развитие стадии подготовки к судебному заседанию и ее современ-

ное состояние // История государства и права. 2004. № 4. С. 29–35.

Жданов В. О пререканиях следователей с прокурорами (еще по поводу 309 ст. уст. угол. суд.) // Журнал гражданского и уголовного права. 1885. Кн. 6. С. 12–37.

Иллюстров И. Военные суды в русской армии за 25-летие. 1861–1885 г. : обзор статистических сведений по Всеподданнейшим отчетам военного министерства. М. : Тип.-литограф. А. Тяжелова, 1890. 162 с.

Кистяковский А. О пресечении обвиняемому способов уклоняться от следствия и суда. СПб. : Тип. Правительствующего Сената, 1868. 196 с.

Кудрявцева А. В., Петров А. В. Становление и развитие института подготовки дела к судебному заседанию в России : историко-правовой аспект // Правовое государство : теория и практика. 2014. № 1. С. 24–32.

Рябинина Т. К. История развития института предания суду в пореформенной России XIX века // Известия Юго-Западного государственного университета. 2012. № 6 (45). С. 252–256.

Соболевский В. А. Правосудие и правовой порядок в войсках. СПб. : Тип. т-ва «Общественная польза», 1882. 626 с.

Тихомиров Д. П. Применение 283 ст. уст. угол. судопр. на практике и по закону // Судебный вестник. 1872. № 140. С. 1.

Ткачева Н. В. Меры пресечения, не связанные с заключением под стражу, в уголовном процессе России : монография / науч. ред. А. В. Кудрявцева. Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2004. 192 с. URL : http://www.pravo.vuzlib.su/book_z1479_page_5.html

Фукс В. Я. Суд и полиция : в 2 ч. Ч. 2. М. : Университетская тип., 1889. 232 с.

Хрулев С. Суд присяжных : очерк деятельности судов и судебных порядков. СПб. : Тип. Правительствующего Сената, 1886. 231 с.

Щегловитов И. О прекращении уголовного преследования // Журнал гражданского и уголовного права. 1887. Кн. 10. С. 37–81.

References

A. T. The shadow side of prosecutorial activity // Judicial newspaper. 1883. No. 27. P. 10–11.

Varpakhovskaya E. M., Derevskova V. M. The powers of the prosecutor in preparation for trial in the legislation of judicial reforms of the XIX and XX centuries in Russia // Prologue: journal of Law. 2021. No. 2 (30). P. 40–49.

The military court, its defenders and destroyers. St. Petersburg : Printing house M. I. Rumsha, 1883. 197 p.

Gainov I. D. The history of the formation and development of measures of criminal procedural coer-

cion in Russia (XIII–XIX centuries) // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012. No. 4 (10). P. 107–112.

Gredinger F. I. Prosecutorial supervision for the fifty years that have elapsed since its transformation according to the Judicial Statutes of Emperor Alexander II. Petrograd : Senate Printing house, 1915. 55 p.

Gurova O. Yu. Historical development of the stage of preparation for the court session and its current state // History of the state and law. 2004. No. 4. P. 29–35.

Zhdanov V. About the wrangling of investigators with prosecutors (More about 309 art. of the Statute of criminal proceedings) // Journal of Civil and Criminal Law. 1885. Book 6. P. 12–37.

Illustrov I. Military courts in the Russian Army for the 25th anniversary. 1861–1885 : A review of statistical data on the reports of the Ministry of War. Moscow : Printing house A. Heavyweight, 1890. 162 p.

Kistyakovsky A. On the suppression of the accused ways to evade the investigation and the court. St. Petersburg : Printing house of the Governing Senate, 1868. 196 p.

Kudryavtseva A. V., Petrov A. V. Formation and development of the institute of case preparation for the court session in Russia: historical and legal aspect //

The Legal state: theory and practice. 2014. No. 1. P. 24–32.

Ryabinina T. K. The history of the development of the institution of bringing to trial in post-reform Russia of the nineteenth century // News of the South-Western State University. 2012. No. 6 (45). P. 252–256.

Sobolevsky V. A. Justice and legal order in the troops. St. Petersburg : Printing house «Public benefit», 1882. 626 p.

Tikhomirov D. P. Application of 283 art. of the Statute of criminal proceedings in practice and by law // Judicial Bulletin. 1872. № 140. P. 1.

Tkacheva N. V. Measures of restraint not related to detention in the criminal process of Russia : monograph / ed. A.V. Kudryavtseva. Chelyabinsk : Publishing House of South Ural State University, 2004. 192 p. URL: http://www.pravo.vuzlib.su/book_z1479_page_5.html (access date: 25.09.2015).

Fuchs V. Ya. Court and police : in 2 parts. Part 2. Moscow : University printing house, 1889. 232 p.

Khrulev S. Trial by jury : Essay on the activities of courts and judicial procedures. St. Petersburg : Printing house of the Governing Senate, 1886. 231 p.

Shcheglovitov I. On the termination of criminal prosecution // Journal of Civil and Criminal Law. 1887. Book 10. P. 37–81.

Донецкий государственный университет юстиции, Донецкая областная коллегия адвокатов

Горбачев В. П., кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права

E-mail: gorvp58@mail.ru

Поступила в редакцию: 27.07.2023

Для цитирования:

Горбачев В. П. Прокурор как субъект предания обвиняемых суду после судебной реформы 1864 года в Российской империи // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 1 (56). С. 199–207. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/1/199-207>.

Donbass State University of Justice, Donetsk Regional Bar Association

Gorbachev V. P., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Theory and History of State and Law Department

E-mail: gorvp58@mail.ru

Received: 27.07.2023

For citation:

Gorbachev V. P. The prosecutor as a subject of bringing the accused to trial after the judicial reform of 1864 in the Russian Empire // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2024. № 1 (56). P. 199–207. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/1/199-207>.